

Начиная с самого первого гостя, каждый, кто переступал порог, обращался к Цуй Люю с изысканной учтивостью, безошибочно называя его родовое гнездо. Никто не пытался сделать вид, что перед ним случайный человек; напротив, они один за другим торжественно объявляли не только свои имена, но и происхождение своих кланов, словно участвовали в древнем ритуале.

Цуй Люй сразу понял: эти люди досконально изучили его подноготную, перетряхнув даже те страницы «Реестра великих родов», что десятилетиями покрывались пылью.

Во времена великих потрясений, сотрясавших империю более века назад, не только клан Цуй из Болина покинул обжитые земли в поисках тихой гавани. Множество знатных семей снимались с мест целыми союзами, и Цзянчжоу, отделённый от остального мира водными преградами, казался многим идеальным убежищем. Разумеется, на эти земли положили глаз не только выходцы из Болина.

В те времена аристократические дома были связаны тесными узами родства. Вступая на берега Цзянчжоу, они по молчаливому согласию делили территорию, порой вступая в споры за лучшие наделы. Однако тогдашние главы дорожили честью и даже в распрях соблюдали «воинскую добродетель»: они предпочитали выстраивать войска для переговоров, а не для резни. Кровавые методы считались бесчестными. Лишь много позже, когда блеск золота ослепил потомков, а родственные связи истончились за поколения, благородное соперничество выродилось в холодный расчёт.

На смену чувствам пришли интересы, на смену чести — выгода.

«Реестр великих родов» всегда хранился в домах, претендующих на преемственность. Из пяти семей, что недавно пали в Цзянчжоу, как минимум три обосновались здесь в одно время с кланом Цуй из Болина. Разница была лишь в том, что Цуй пришли сюда за уединением, а те — лишь сменили место, чтобы с новым пылом ковать своё величие.

Поскольку их предки были связаны общим прошлым, а клан Цуй из Болина жил за закрытыми дверями, не посягая на сверхприбыли, нувориши предпочитали попросту не замечать их существования. Уходили старики, сменялись поколения, и старый список родов упоминался всё реже. Постепенно клан Цуй из Болина в глазах обывателей превратился в обычный клан Цуй из захолустного Хуйцюя.

За всю свою жизнь Цуй Люй слышал упоминание о родовых корнях лишь однажды: когда его умирающий дядя, сжимая его ладонь, настойчиво заклинал племянника никогда не забывать, откуда они родом. С тех пор и до самого краха «великой пятёрки» он полагал, что, кроме него самого и горстки доживающих свой век стариков, никто больше не вспомнит об истинном происхождении его семьи.

На мгновение он впал в забытё, не успев сразу ответить на приветствия. Его расслабленная

поза и та естественная непринуждённость, с которой он сидел в кресле, создавали вокруг него ауру ленивого превосходства. Те, кто не знал его близко, ошибочно приняли это за истинную уверенность и благородную дерзость — те самые черты, что должны возвращаться в человеке вековой историей рода.

«Разве древние правила не гласили, что истинная аристократичность — это не самоограничение, а следование велениям сердца и естественная свобода духа?»

Главы кланов, чьи приветствия повисли в воздухе, в замешательстве переглядывались. Они не могли разгадать натуру этого человека, чей род почти столетие дремал в глуши Хуйцюя. Что он за человек? Каков его нрав?

Сказать по правде, когда они обнаружили в архивах управы записи о происхождении Цуй из Хуйцюя, поначалу они не придали этому значения. Но когда на полях документов они увидели три киноарные печати, их охватил озноб. Такие метки означали скрытого покровителя или влияние такого уровня, о котором не принято говорить вслух.

Стыдно признать, но никто из них не знал «Реестр великих родов» на память. Понадобилось немало усилий, чтобы выкупить у служанки одного из павших домов старый список, который та использовала как подставку для ножки стола. И там, в этом списке, некогда могущественные семьи Цзянчжоу едва занимали последние страницы. Что же касается их собственных предков — всех этих выходцев из Хэншюя, Цзянькана или Яопина, — то это были лишь попытки придать себе весу, выбрав в реестре созвучные фамилии. На деле же их кланы возвысились лишь в последние двадцать лет, подъедая остатки с пиршества былых господ.

Возможно, именно из-за осознания собственной фальши молчание Цуй Люя заставляло их чувствовать себя неловко. В воздухе повисло унижительное ощущение, будто они — лишь самозванцы, пытающиеся казаться золотом.

Клан Цуй из Болина занимал почётное место в первой десятке реестра. И ещё более прославленным был их ближайший сородич — ныне гремящий на всю поднебесную клан Цуй из Цинхэ, входящий в тройку величайших домов империи.

Теоретически, нынешним богатым не стоило трепетать: их капиталы и влияние в Цзянчжоу вполне могли поспорить с ресурсами Цуй Люя. Но статус «великого дома» — это порог, который не перешагнуть одними деньгами. Здесь требовалось нечто большее — наследие. Пока они пребывали в неведении, их всё устраивало, но стоило им прикоснуться к истинной иерархии, как проснулось неосознанное преклонение перед силой, которую нельзя измерить счётами. Даже если бы Цуй Люй сейчас был одет в лохмотья, им казалось бы, что это особый стиль древнего рода. Психология этих людей, годами впитывавших правила этикета «великой пятёрки», не позволяла им относиться к Цуй Люю иначе.

Почтение к титулованным домам было у них в крови.

Группа почтенных мужей, среди которых были и те, кто старше Цуй Люя, — люди, в чьих руках

сейчас была сосредоточена власть и богатство Цзянчжоу, — стояли перед ним плотной стеной. Несмотря на то что Би Хэн уже распорядился подать им стулья, никто не смел сесть. Они ловили каждое движение Цуй Люя, ожидая от него хотя бы слова.

Наконец Цуй Люй вернулся из своих раздумий. Крышечка его чаши с мелодичным звоном коснулась фарфора, и этот звук, подобно сигналу, заставил глав кланов склониться ещё ниже. В шатре воцарилась торжественная тишина, какая бывает при смотре войск великим полководцем.

Би Хэн был поражён. Писари из управы, пришедшие с ним, невольно поднялись со своих мест. Цуй Юй, будучи одним из них, тоже встал, чувствуя, как в голове шумит от нереальности происходящего.

Раньше, работая под началом Янь Сю, они видели этих спесивых господ лишь издалека. Те ходили, задрвав нос, едва ли не по спинам мелких чиновников, и никогда не удостоивали их даже взглядом.

А теперь?

То смирение, с которым они стояли перед его старшим братом, казалось сном. Цуй Юй пристально вглядывался в их лица, ища признаки притворства или затаённой обиды, но видел лишь искреннее, почти благоговейное желание быть достойными беседы.

«Неужели клан Цуй из Болина настолько велик?»

Неужели одно лишь имя заставило этих гордецов склонить головы и признать себя «нижайшими»? Цуй Юй пребывал в смятении. Он никогда не придавал значения своей фамилии, но сейчас чувствовал себя так, будто на него внезапно свалилось небесное благословение.

Заметив завистливые взгляды коллег, он расправил плечи и выпрямился.

«Смотрите внимательно. Тот, перед кем склонилась вся знать Цзянчжоу, — мой брат. Цуй Люй».

Цуй Люй глубоко вздохнул и заговорил:

— Столько лет прошло... Я полагал, что в Цзянчжоу не осталось никого, кто помнил бы имя Цуй из Болина.

С того самого дня, когда боковая ветвь одной из «великих семей» пыталась унижить его дом, он перестал ждать чего-либо от знати этого города. Время шло, старики, знавшие правду, уходили в мир иной, а молодежь не признавала никаких иных законов, кроме выгоды. Именно поэтому

он никогда не называл своё происхождение, входя в город; если и приходилось представляться, он ограничивался двумя словами: «из Хуйцюя».

Зачем выставлять напоказ былую славу предков, подставляясь под насмешки и косые взгляды?

Цуй Люй не ожидал, что кто-то признает в нём аристократа, и теперь не знал, как вести себя с этими людьми. Возникла неловкая пауза.

Би Хэн, наконец, нашёл момент, чтобы вмешаться. Он подошёл к Цуй Люю и, склонившись, прошептал:

— Так вы из одной ветви с Цуй из Цинхэ? Люй-цин... это нечестно! Как вы могли скрывать от меня такую важную деталь?

Цуй Люй одарил его скептическим взглядом и фыркнул:

— Клан Цуй из Цинхэ — величайшая знать, а я — лишь землевладелец из глухого захолустья. Как бы я посмел набиваться им в родственники? И скажи мне — если бы я об этом заявил, ты бы поверил?

Би Хэн замялся, но быстро нашёлся:

— Неважно, верю я или нет! Если на той стороне признают родство, считай, ты обеспечил будущее всему своему дому. Другой бы на твоём месте на каждом углу об этом кричал, а ты молчал как рыба. Если бы эти господа сегодня не просветили меня, я бы так и не узнал, насколько глубоки твои корни.

В конце концов, Би Хэн был выходцем из простой семьи, пробившимся наверх благодаря экзаменам. Он не видел родовых реестров, но знал на слух все великие дома империи. Просто ему никогда не приходило в голову связать Цуй Люя с тем самым Цуй из Цинхэ.

Цуй Люй нетерпеливо махнул рукой:

— Сто лет назад наши предки разделили имущество и разошлись в разные стороны. Они — это они, мы — это мы. У нас давно разные родовые залы, к чему теперь натягивать родство? Я не хочу позорить предков пустым бахвальством. Хватит об этом. Мы будем начинать приём или нет?

Би Хэн хлопнул себя по лбу и обратился к замершим главам кланов:

— Господа, прошу вас, не стойте. Присаживайтесь!

Цуй Люй тоже поднялся и поклонился гостям:

— Прошу прощения, я был невежлив. Слава рода — дело прошлого, к нему нет возврата. Благодарю вас за оказанную честь. В знак моего уважения я подношу вам эту чашу.

Слуга тут же подал свежий чай. Цуй Люй принял чашу и осушил её одним глотком.

Би Хэн радостно зааплодировал:

— Прекрасно! Господин Цуй проявил великодушие, а вы, господа, — мудрость. Прошу к столу, садитесь!

Гости, вежливо уступая друг другу дорогу, дождались, пока Би Хэн усадит Цуй Люя на почётное место, и лишь затем заняли свои стулья.

Чтобы упростить беседу, Цуй Люй велел поставить один круглый стол. Дела предстояли далеко не изящные, и чинное сидение за отдельными столиками только мешало бы разговору. Собрались взрослые мужчины: сначала чай, потом обсуждение дел, а в конце — либо пир в честь согласия, либо хлопанье дверью и подготовка к схватке. Всё предельно просто.

По праву во главе стола должен был сидеть Би Хэн, но главы кланов настояли, чтобы это место занял Цуй Люй. Инспектор не обиделся и пристроился сбоку — в частной обстановке они не церемонились. Однако для гостей это стало ещё одним поводом для размышлений.

Когда чай был разлит, Цуй Люй приготовился слушать, а Би Хэн внезапно «включил дурака». Он начал жаловаться на Янь Сю, утверждая, что тот молчит как рыба, и он понятия не имеет, что с ним делать. Инспектор внимательно следил за реакцией гостей, пытаясь понять, насколько им дорога жизнь бывшего главы области.

Наконец один из них не выдержал. Игнорируя Би Хэна, он обратился напрямую к Цуй Люю:

— Глава клана Цуй, как старейший представитель истинной аристократии в Цзянчжоу, вы должны рассудить нас!

Другой тут же подхватил:

— Верно! Господин Цуй, скажите своё веское слово: слыханное ли это дело — мужская беременность? Как мужчина может вынашивать дитя? Это же нарушение законов природы, переворачивание основ мироздания!

Услышав это, Цуй Люй сразу понял, к чему они клонят.

«Вот оно что... С чего бы это им вдруг оказывать такие почести старому роду, давно сошедшему со сцены?»

Они были подобны той служанке, что подпирала стол реестром родов: в одних делах аристократическое имя — щит, а в других — пустой звук. Цзянчжоу вырос из первобытного хаоса, где каждые несколько десятилетий возвышался новый клан. У них не было и капли того культурного слоя, что копится веками. Чтобы они искренне уважали древний порядок, за этим порядком должна стоять выгода.

Что было у Цуй Люя?

Высокий титул древнего рода и мощная поддержка в лице генерал-губернатора и имперского инспектора.

Цуй Люй с улыбкой поставил чашу на стол:

— Господа, вы слишком добры в своих оценках. Я и не знал, что стал «представителем Цзянчжоу». Вы просите меня рассудить вас... Но скажите прямо: готовы ли вы на самом деле подчиниться моему решению? Если я скажу — исполните ли вы это беспрекословно?

«Хотите сделать меня своим номинальным вождем, чтобы я прикрывал вас? Умно придумано!»

Би Хэн в это время сосредоточенно сдувал чайники, делая вид, что делёж власти между местными богатеями его совершенно не касается. На деле же он ловил каждое слово.

Цуй Люй продолжал:

— Когда завтра двор пришлёт гвардию, чтобы покарать виновных, должен ли я буду выйти вперёд и первым броситься на мечи ради вас?

«Хм... А когда вы делили соляные прииски и доходы от морской торговли, вы звали меня?»

«Когда вы намывали золотые горы, вы помнили обо мне?»

«Думаете, пара поклонов и красивых слов заставят меня потерять голову от восторга? За кого вы меня принимаете — за деревенского дурачка с мешком денег?»

Цуй Люй внезапно хлопнул ладонью по столу и холодно усмехнулся:

— Если хотите говорить по делу — проявите искренность. Я не ребёнок. На меня не подействуют ваши славословия и признание моих предков. Если вы думали, что сможете

использовать меня в своих целях, вы кое-что забыли...

Он обвёл рукой шатёр:

— Теперь у этого места новый хозяин — я. Головы тех вожаков речной банды, что сосали из вас кровь, были отрублены по моему приказу. Ваше почтение при входе мне польстило, но вы, кажется, до сих пор не уяснили одну вещь. Наследие древнего рода — это не то, на что вы можете посягать или чем можете пренебрегать. Мои козыри до сих пор вам неведомы.

Он сделал паузу, и его взгляд стал ледяным:

— Знайте: как бы глубоко мой род ни зарылся в глуши Хуйцюя, это не значит, что у него не осталось «Частной гвардии», способной защитить свой дом.

Частная гвардия?

За столом воцарилась мёртвая тишина. Слово «Частная гвардия» ударило по ним сильнее грома.

Это была личная армия, которую имели право содержать лишь величайшие дома империи или члены императорской семьи.

Неужели в поместье Цуй скрывается настоящая гвардия?

В этот момент в шатёр вошёл Тао Сяоцян, сверкая белозубой улыбкой:

— Господин, вы звали? Кого убить?

<http://bllate.org/book/16118/1587937>